
Собрание сочинений в девяти томах

М., "Художественная литература", 1979

Том четвертый. Статьи, рецензии и заметки. Март 1841 - март 1842

OCR Бычков М.Н. mailto:bmnl@lib.ru

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ. Сочинение М. Лермонтова. Издание второе. Санкт-Петербург. В типографии Ильи Глазунова и К^я. 1841. Две части. В 12-ю д. л. В I-й части VI и 250, во II-й - 173 стр.

Давно ли приветствовали мы первое издание "Героя нашего времени" большою критическою статьею {1} и, полные гордых, величавых и сладостных надежд, со всем жаром убеждения, основанного на сознании, указывали русской публике на Лермонтова, как на великого поэта в будущем, смотрели на него, как на преемника Пушкина в настоящем!.. И вот проходит не более года, - мы встречаем новое издание "Героя нашего времени" горькими слезами о невозвратимой утрате, которую понесла осиротелая русская литература в лице Лермонтова!.. {2} Несмотря на общее, единодушное внимание, с каким приняты были его первые опыты, несмотря на какое-то безусловное ожидание от него чего-то великого, - наши восторженные похвалы и радостные приветы новому светилу поэзии для многих благоразумных людей казались преувеличенными... {3} Слава их благоразумию, так много теперь выигравшему, и горе нам, так много утратившим!.. В сознании великой, невознаградимой утраты, в полноте едкого, грустного чувства, отравляющего сердце, мы готовы великодушно увеличить торжество осторожного в своих приговорах сомнения и охотно сознаться, что, говоря так много о Лермонтове, мы видели более будущего, нежели настоящего Лермонтова, - видели Алкида, в колыбели удушающего змей зависти, но еще не Алкида, сражающего ужасною палицею лернейскую гидру... {4} Да, все написанное Лермонтовым еще недостаточно для упрочения колоссальной славы и более значительно как предвестие будущего, а не как что-нибудь положительно и безотносительно великое, хотя и само по себе все это составляет важный и примечательный факт, решительно выходящий из круга обыкновенного. Первые лирические пьесы: "Руслан и Людмила" и "Кавказский пленник", еще не могли составить славы Пушкина как великого мирового поэта; но в них уже виделся будущий создатель "Цыган", "Онегина", "Бориса Годунова", "Моцарта и Сальери", "Скупого рыцаря", "Русалки", "Каменного гостя" и других великих поэм... Толпа судит и делает свои приговоры задним числом; она говорит, когда уже не боится проговориться. Толпа идет ощупью и о твердости встреченного ею предмета судит по силе толчка, с которым наткнулась на него. Оставляя за толпою право видеть вещи не иначе, как оборачиваясь назад, не будем отнимать права у людей заглядывать вперед и - по настоящему предсказывать о будущем... Всякому свое: толпе кричать, людям мыслить... Пусть же кричит она, а мы снова повторим: новая, великая утрата осиротила бедную русскую литературу!..

Самые первые произведения Лермонтова были ознаменованы печатом какой-то особенности: они не походили ни на что, являвшееся до Пушкина и после Пушкина {5}. Трудно было выразить словом, что в них было особенного, отличавшего их даже от явлений, которые носили на себе отблеск истинного и замечательного таланта. Тут было все - и самобытная, живая мысль, одушевлявшая обаятельно прекрасную форму, как теплая кровь одушевляет молодой организм и ярким, свежим румянцем проступает на ланитах юной красоты; тут была и какая-то мощь, горделиво владевшая собою и свободно подчинявшая идее свои равные порывы свои; тут была и эта оригинальность, которая, в простоте и естественности, открывает собою новые, до толе невиданные миры и которая есть достояние одних гениев; тут было много чего-то столь индивидуального, столь тесно соединенного с личностью творца, - много такого, что мы не можем иначе охарактеризовать, как назвавши "лермонтовским элементом"... Какой избыток силы, какое разнообразие идей и образов, чувств и картин! Какое сильное слияние энергии и грации, глубины и легкости, возвышенности и простоты! Читая всякую строку, вышедшую из-под пера Лермонтова, будто слушаешь музыкальные аккорды и в то же время следишь взором за потрясенными струнами, с которых сорваны они рукою невидимую... Тут, кажется, сопresentствуешь духом таинству мысли, рождающейся из ощущения,